

Оракул нашего времени

Юлия Мухаметова

«Несчастным и странным желанием судьбы
стало то,
что большинство из нафантализированного
мною воплощается в реальности».

Станислав Лем

Любой узкий специалист, будь то биолог, кибернетик или астроном, может камня на камне не оставить от футурологических прогнозов, которыми так часто грешат фантасты — и будет по-своему прав. Кибернетики не выносят предсказаний о «бунте машин», а биологи начинают плеваться при одном упоминании о разумных вирусах. Но никто из них не способен сойти со своей колокольни, чтобы увидеть ситуацию в целом. Это дает фантасту, если тот обладает подобным даром, неоспоримое преимущество перед любым из этих специалистов.

Какие ассоциации возникнут у нашего современника при упоминании польского писателя Станислава Лема (р. 1921)? С наибольшей вероятностью ему припомнится «Солярис», да и то в основном благодаря экранизации Тарковского*. Кто-то вспомнит цикл рассказов о Ионе Тихом. Закоренелые ценители фантастики с ностальгией подумают о «Магеллановом облаке». Увы, немногие (автор статьи специально провел маленький социологический опрос) знают Лема как философа, мыслителя-энциклопедиста и футуролога**.

* В своем интервью газете «Московские новости» от 18.06.1995 года Лем говорит: «"Солярис" — это книга, из-за которой мы сильно поругались с Тарковским. Я просидел шесть недель в Москве, пока мы спорили о том, как делать фильм, потом обозвал его дураком и уехал домой... Тарковский в фильме хотел показать, что космос очень противен и неприятен, а вот на Земле — прекрасно. А я-то писал и думал совсем наоборот»

** В основном, видимо, благодаря «Компьютерной газете», опубликовавшей в бумажном виде и онлайн цикл эссе «Мегабитовая бомба» на русском языке. Это перевод публикаций на тему информационных технологий, которые, начиная с 1993 года, Станислав Лем ежемесячно писал для журнала «PC Magazine Po Polsku». В них он подробно комментировал то, что происходило в этой сфере.

Вообще, в последнее время Лем занимается именно этим — исследует и прогнозирует дальнейшее развитие вида *Homo Sapiens*. Ему давно стало тесно в узких рамках «научной фантастики». Хотя он справедливо считается классиком жанра, Лем далек от его стандартов, насколько это в принципе возможно. Неудивительно, что этот патологически искренний человек умудрился вылететь из стройных рядов Ассоциации американских писателей-фантастов (кстати, вас не удивило присутствие там фантика из Польши, пусть даже эмигранта?). Как это ни банально, Лем пострадал за критику, обвинив американскую фантастику в благостном «болотном» примитивизме. В знак протesta вместе с ним из Ассоциации вышли еще два неординарных автора — Урсула Ле Гuin и Майкл Муркок. Что ж, неплохая подборась компания!

Лема-фантаста нелегко читать «непосвященным». Его произведения надо «распробовать». В этих книгах нет ни романтизма Рэя Брэдбери, ни прозрачности Айзека Азимова, ни иронии Филипа Дика. Еще сложнее читать Лема-публициста. Дело тут совсем не в сложных научных терминах, которыми изобилиуют такие произведения, как «Сумма технологии» (1964), «Философия слущая» (1968), двухтомник «Фантастика и футурология» (1970), «Мегабитовая бомба» (1999) и другие. Просто мысли и выводы Лема столь необычны, что даже читателю, искушенному в фантастических изысках, бывает трудно их принять. Но в то же время при внимательном прочтении его нефантастических книг иногда возникает некое озарение. Наверное, это и есть шестое чувство, чувство истины. Редкостный дар — не бояться нового и рассказывать о нем другим. Тысячу лет назад Станислав Лем мог бы стать мессией или изгоем — и в любом случае снова оказался бы в неплохой компании! Сегодня он лишь «скромно» думает о судьбах человечества. Может себе это позволить. Большинство его «предсказаний» уже сбылись или начинают сбываться — однако далеко не всегда именно так, как мы себе воображали.

Начав разглядывать пути нашей технократической (а такова ли она на самом деле? Ведь сравнить не с чем и не с кем...) цивилизации в своих фантастических рассказах и романах, он продолжает говорить об этом иначе. Методично раскладывает по полочкам людские чаяния и мифы, давая им беспристрастную оценку. Читая «Сумму технологии», временами удивляешься, как ей удалось увидеть свет. Видимо, «оттепель» 60-х сыграла свою благотворную роль. А может быть, просто фантастика (точнее, все, что выпускалось под этим «лейблом») не подвергалась столь пристальной цензуре, выполняя функцию клапана, благодаря которому можно «выпустить пар»? В книге нет ни малейшего намека на торжество марксизма (напомню, она была издана в 1964 году!). Люди должны иметь право выбирать, при каком строе им жить, пишет Лем. И ни слова — про эксплуатацию человека человеком.

Наверное, Лем правильно сделал, что переехал в Krakow***. А в 1982 совсем уехал из страны.

Эволюция = технический прогресс. Нет, неверно. Не совсем так. Прогресс Лем называет пародией на эволюцию. Стремительный скачок в развитии технологий произошел за жалкие пару сотен лет — меньше мгновения в рамках существования вида! — после долгого периода «стагнации». Это даже не пародия — миниатюрная модель эволюции, быстротечная, как время, бегущее в компьютерной игре «Цивилизация»! Конечно, поначалу робкие творения новоявленных технократов трогательно напоминают своих предшественников (например, первые автомобили похожи на конные экипажи). Но вот технология, сумма технологий, технологический «естественный отбор», берет свое. Вскоре «бронтозавры» — нелепые, тихоходные чадящие пароходы и громоздкие первые ЭВМ с перфокартами — уходят со сцены, их вытесняют лаконичные формы обтекаемых современных автомобилей и стремительно уменьшающиеся в размерах компьютеры. Но эти «виды» несовершенны, говорит Лем. Они тоже «вымрут», сменятся новыми. И кто знает, что придет им на смену. Лем-футуролог ставит на интенсивное развитие. Новое у него — не принявшее другое обличие старое, а настоящее неизвестное. То же в полной мере относится к его «чисто фантастическим» сочинениям.

*** Станислав Лем родился 12 сентября 1921 года во Львове. В 1940–1941 изучал медицину в Львовском Мед. Институте. В период немецкой оккупации работал автослесарем, сварщиком, участвовал в польском движении сопротивления. В 1944, когда Советская армия заняла город, продолжил обучение. В 1946 Львов перестал принадлежать Польше, и Лем в рамках акции репатриации переехал в Krakow, где начал изучать медицину в университете Ягеллонского.

Кстати, футуролог, этот современный оракул, может и ошибиться — на ту же сотню лет. (Так и получилось у Лема, когда он предсказал такую, по сути, мелочь, как появление мобильной связи). Но упрекать его (и остальных фантастов, строивших те или иные прогнозы, того же Артура Кларка, например) в этом нельзя — сто лет, действительно, в глобальном плане — меньше мгновения.

Мы так долго жили в пещерах, и вдруг подвернулась возможность стать демиургами! Однако, скорее всего, это было случайным стечением обстоятельств, уточняет Лем, предварительно заручившись поддержкой других исследователей. Как выигрыш в лотерее. Разве могли люди его упустить? И вот теперь мало им становится пароходов и автомобилей. Человек пытается создать свое подобие. Слугу? Брата единокровного? Зеркальное отражение? Все сразу. Но как вдохнуть в него если не душу, то хотя бы интеллект? Не просто искусственный интеллект. Искру разума.

«Все усилия по созданию искусственного интеллекта оказались напрасными, хотя они предпринимаются уже около полувека», — сетует Станислав Лем в одном из эссе, написанных в конце прошлого столетия. Ни нейронные сети, ни экспертные системы не оправдали себя в полной мере. Да, они хороши и приносят много пользы. Но даже олигофрен обладает куда большим разумом — не интеллектом — чем все современные суперкомпьютеры вместе взятые. Или тот же Интернет, о котором Лем отзываетесь весьма нелестно: «Глобальное оснащение сетями» всего мира просто обеспечивает связь с информационным колоссом потому, что если нам не хватает глупостей по соседству, то это должны восполнить бредни более отдаленные». Или еще: «Рекламируемый и повсеместно воспетый Интернет является поставщиком огромного количества новых видов развлечений и новых форм обогащения. Что касается развлечений, то их распространение в мире <...> должно навлечь божий гнев, так как миллионы людей живут не то что без надлежащих порций развлечений, но разрываются минами, бомбами, страдают от голода, болезней, нищеты. <...> По данным психосоциологии 90 процентов, а то и больше, телевизионного вещания есть развлекательная муть, забивающая мозги, и это есть мощный поворот к эпохе восьмидесятитысячелетней давности, когда не было письменности, а, следовательно, и науки, и философии

— несколько лет назад я назвал этот поворот «вхождением в пещерную электронную эпоху». Но разумеется, каждая новая технология несет в себе опасности. И об этом у Лема тоже можно прочитать.

Так как же быть с искрой разума? Увы, самосознания у компьютеров нет и не предвидится в ближайшее время, хотя познавать, добывая информацию и делать выводы на ее основе они уже научились. К тому же никто, в том числе сами « заводчики » *artificial intelligence*, не могут дать точного определения этому понятию — хотя такие попытки делал еще знаменитый апологет кибернетики Алан Тьюринг (постулаты этого великого человека с трагической судьбой успешно используются в некоторых областях до сих пор). А согласно Лему, «сознание» и «интеллект» — различные по сути. Пока что любая, даже самая «думающая», машина — лишь то, что мы в нее вложили, с горечью констатирует в одном из эссе «Мегабитовой бомбы» Лем. И это уже совсем другой Лем, нежели тот, кто предостерегал человечество от угрозы «электрократии», от бед, которые способен причинить людям управляющий ими сверхмощный «черный ящик». В «Сумме», которая, как ни крути, остается самым значительным не-фантастическим лемовским сочинением, неожиданно проявляется его неистребимый оптимизм. Здесь мы видим устремленность в будущее, характерную для 60-х годов XX века, но крайне необычную для конца столетия, когда отношение к прогрессу стало совсем иным. На первый план выходит этика — впрочем, у Лема она всегда на первом плане, во всех его книгах; вот только в 90-х ошеломляющий опыт стремительного развития технологий позволяет говорить об этике совсем иначе. «Этикосфера» как альтернатива черным ящикам. Цивилизация может контролировать саму себя, не позволить себе умереть так, как те цивилизации, которые самоуничтожились — потому мы и не слышим их сигналов из Космоса (вот лишь одна из возможных причин нашего гипотетического одиночества во Вселенной, приведенная в «Сумме технологии»). Компьютеры, вернее, новые ком-

пьютерные технологии, помогут людям выжить в жестокой битве с самими собой. И Лем спокоен и не паникует. Так же, как и его знаменитый персонаж — пилот Пиркс, которого писатель засемто уничтожил в рассказе «Фиаско» (впрочем, оставил читателю маленький лучик надежды на другой исход).

«XXI век будет иным, чем его многочисленные предвидения, украшенные жемчужинами удивительных идей. Возможно, он будет более жестоким по сравнению с нашим кровавым столетием. То, что глобально, плохо подлежит предсказаниям. <...> Может быть, мир действительно не имеет края, но мы смирились, а поэтому край создадим». С чего бы развитым цивилизациям погибать, вскользь проговаривается Лем в той же «Сумме». Им есть куда идти дальше!..

Наверное, Станислав Лем все-таки не зря успел пожить в «стране социалистического лагеря». Его рассуждениям присущ позитивизм, свойственный — правда, в более примитивной форме — большей части так называемой «социалистической фантастики». Но «вирус коммунизма», переработанный талантом, уже давно превратился в вакцину. Пресловутые, иконизированные в нашей стране братья Стругацкие не могут похвастаться подобным осмыслением (как ни странно, этим они отличаются от многих совершенно не советских фантастов...).

Принято повторять, что только гении могут выйти за пределы привычной реальности и посмотреть на мир абсолютно новым взглядом. Станиславу Лему это удалось. Хотя гением он себя не считает.

